

Kochanko moja! na co nam rozmowa Николай Семенович Лесков leskovnikolai.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://leskovnikolai.ru/> Приятного чтения!

Kochanko moja! na co nam rozmowa? Николай Семенович Лесков

Kochanko moja! na co nam rozmowa?[1]
(Арабеска)

Мать героини родилась над Вислой, осиротела и, взросши в суровой нужде, замуж пошла за немца Цейтгейма. Муж ее отвез на Украину и мастерством часовым там занялся. Крут был покойник. Много страдала мать кроткой Ядвиги от деспота мужа, но жили в достатках они. Девятый годочек как минуло Ядвиге, мать, помолвившись в костеле, ребенку надела на шейку образок Остробрамской Матери Божьей и в пансион ее отвела. Был пансион этот столько же русский, сколько немецкий, сколько французский. Судили о всем там всегда по-немецки, язык же в ходу был французский, но плату там русскую брали.

Девочке минул тринадцатый год. Два года еще оставалось ей быть в пансионе, потом надлежало домой возвращаться и слушать, капусту шинкуя, стучит как кухарка на кухне, отец как стучит молотком в мастерской, а вечером, пива напившись, с женой для сварения желудка бранится. Девочка очень была развита: характером кротким и разумом светлым ее Господь одарил. Умела она говорить по-французски; Гёте и Шиллера знала на память; книг русских немало читала; но Богу молилась по-польски.

—

Вечный Жид, совершив свой назначенный путь, стал на сибирском берегу Берингова пролива; Белая Женщина стала на тот бок пролива. Вечные странники, сквозь мглу полуночи, в лица с участием друг другу взглянули и в небо с мольбой свои очи вперили. И так же, как прежде, когда Ренюпонов наследство лежало в Париже нетронутым кладом, голос из неба прорек двум скитальцам «Иди!»— и, повернувшись, в разные страны снова они разошлись.

Никто никогда не видал, где Белая Женщина ходит; Жид Вечный заходит повсюду.

Под узким навесом подъезда, которым входили в приют почетные члены благотворительного общества, спала нищая; у груди ее спал младенец. Холод знобил и мать, и младенца: оба друг к другу они судорожно жались, обоим хотелось согреться. Вздрогнул ребенок от стужи и жалобным писком дремавшую мать разбудил. Полу капота она на дитя потянула, но не было средства узкой полою ребенка закутать. Узок был ветхий капот нищеты.

Месяц осенний стоял, и падал пушистый снежок-первопуток. Нищая к груди холодной прижала ребенка и снова глаза завела. Дремлется с холода бедным, как богачам от обедов тяжелых.

В это мгновенье дремавшей казалось, что поступью твердой по белому снегу прошел очень странный прохожий. Росту большого был он, в длинной одежде и с длинной палкой в руке. С холода так же, как пьяным гулякам от лишней бутылки, порою невесть что мелькнет пред глазами. Но нищая слышала ясно, что в это же время в воздухе замер последний удар полуночи — тут близко была колокольня с часами, Цейтгейма работы.

Старшей даме приюта пред самым рассветом дивный привиделся сон: ангел, в прозрачной одежде и с белой лилеей в руках, двери сапфирного цвета перед ней растворил, сиянье ее окружило, и облачком легким она от земли уносилась в лазурь.

Дворник всех ранее в доме проснулся, крикнул спросонья, потом из окошка, увидев белевший снег, «ишь ты» сказал, потянулся, громко зевнул и знамением крестным три раза себя осенил. Потом ключ, на ремешке висевший у двери, нехотя снял, нехотя в сенях метлу взял и, открывши калитку, стал разметать тротуар и парадный подъезд и нищей сказал: «Убирайся-ко с Богом!» Нищая встала с подъезда и побрела потихоньку, телом дрожа от утренней стужи. Куда она шла? Куда нищие ходят: мест у них много, и каждое место — разврат иль страданье.

Дворник, махая метлою по снегу, заметил следы очень длинной подошвы, накрест

Kochanko moja! na so nam rozмова Николай Семенович лесков Teskovnikolai.ru побитой гвоздями. Велики головки гвоздей ему показались; семь было всего их на целой подошве. «Человек, должно быть, не здешний», – дворник подумал и метлой замахал и вправо, и влево.

В городе началась холера. В банк доктора клали деньги; из Парижа аптекарь жене выписал пять новых платьев; заработок немалый могильщикам был, и гроб каждый продавался дороже, чем в прежнее время. У мертвецов были синие лица, и руки сводило у них в кулаки, так что символ терпения – крест – нельзя было всунуть в согнутые пальцы.

Это от судорог предсмертных.

–

Первый в городе умер часовщик Цейтгейм. Вечером ел он немецкий бигос из польских колбас и русской капусты, а утром подмастерье заказал для него гроб с белым прибором. Ядвига плакала, и мать ее плакала на похоронах Цейтгейма. Пришел прелат, и пришли ксендзы, и утешали они Ядвигу, и утешали ее мать.

А люди все мерли, и мать Ядвиги умерла, поручив дочь Матери Божией в небе и прелату с ксендзами на земле. Опять плакала Ядвига, и опять утешали ее ксендзы; они говорили ей, что грешно любить земного отца и земную мать пане отца небесного, а она все плакала.

За обеднею прелат сказал очень умную проповедь о суете мирских благ, и целых два дня восхищался этой проповедью один адвокат и почтенная дама, у которой весь город занимал под залоги мелкие суммы, платя только десять процентов за месяц. Но Ядвига не слышала этой прекрасной проповеди, потому что она все плакала и сквозь слезы читала польский пацержик за материну душу.

Схоронили вдову Цейтгейма в одной могиле с мужем (там споров меж ними уж нечего было бояться); Ядвигу взяла к себе начальница пансиона, а пожитки Цейтгейма взяла прелат с ксендзами. Так, говорили, пред смертью вдова пожелала; впрочем, хоть жили в достатках они, но пожитков не Бог весть что было.

И росла сирота, и выросла, и стала она умница и красавица. Начальница пансиона ее очень ласкала и платила ей меньше, чем всем классным дамам. А матери, глядя на нее, злились, а подруги ей завидовали. Так ей минула девятнадцатая весна, и один раз, окончив с детьми музыкальный урок, прежде чем закрыть фортепьяно, безотчетно она взяла три аккорда: в аккордах тех русская слышалась песня. Люди простые так эту песню заводят:

«Грустно, матушка, весною жить одной».

–

Он был лучше всех учителей в пансионе. Умный он был, скромный, приветливый и собою красивый, а лет ему было всего двадцать пять. И стало сниться Ядвиге, что сидит она у камина, а он сидит у ее ног и в очи любовно ей смотрит, а ему стало сниться, что Ядвига лежит на диване, а он на коленях стоит у ее изголовья и в уста ее жарко целует. Болели головы по утрам от этих снов у обоих, и целых три месяца они болели, а потом перестали.

Зато же и счастливы были они другие три месяца!

А тут небо стало хмуриться; ветер осенний завыл; свинцовые тучи грядой бесконечной тянулись на север: на север и он собирался.

Высокими думами полон, деяний высоких он жаждал.

А как горько рыдала Ядвига! Сердце простое этих рыданий снести не могло бы.

Черной косою опутав шею его, бедняжка молила ее не покинуть.

– Мне ведь не нужно ничто, только бы ты был со мною, мой милый! Порознь нам мука, вместе мы будем счастливы.

Kochanko moja! na co nam rozmowa Николай Семенович Лесков Teskovnikolai.ru

– Благоразумье! – ей тихо ответил любовник и, длинную речь прочитав о терпении и долге гражданском мужчины, надел ей на пальчик колечко со змеею и своею «невестою» назвал.

– Змей – это мудрость; кольцо – бесконечность. Ты умницей будешь и мне не изменишь? – шутиливо спросил он по долгой тираде.

Она покраснелась, слезу утерла и, колечко поправив, забывшись, сказала по-польски: «Kochany! na co ta rozmowa?»[2]

–

Полгода целых на этого змея смотрела она, о змее живом размышляя. Полгода! Много ли время? Но кто ненавидит, боится иль любит, тот в миг быстротечный целую вечность узнает. Ядвига любила, и муки боязни ей были знакомы давно. Забыл ее милый, но законов своих не забыла природа...

И сказали Ядвиге моральные люди: «Себя уронивши так страшно, жить с нами не можете вы».

Позор был и горе! А к ним на помощь поспела нужда, и, желтые зубы оскалив и злобно сверкая глазами, взглянули они на Ядвигу в тот миг, как у ней на постели плач детский впервые раздался.

Как родятся дети, так плачут – известное дело; но о чем они плачут, взглянувши в лицо человеку? Это ученым пока неизвестно.

Плакал недаром ребенок. Некуда было с ним матери деться. Честные люди ее навестили и, головами кивая, ушли. В таком положеньи они не бывали.

– Какая здесь помощь возможна? – подернув плечами, они говорили друг другу; но однако на помощь потщились. Добрым желаньям нет в мире пределов. Письма с участием они написали тому, что давно отвечать отказался на письма, и ждали с большим нетерпением ответа; новой пищи ждали для толков.

А помощь прямая и шла стороною. Навестила Ядвигу почтенных лет дама и план ей один изложила... Женщина вспыхнула; смело даме на дверь показала рукою и, горько рыдая, смерти у Бога себе и ребенку просила.

– Капризы некстати, некстати и гордость, – язвительно дама сказала.

– Выйдите вон! – отвечала Ядвига и, слезы утерши, помыслила в сердце: «О добрые люди! В пощаде вы мне отказали; в вас мелкие души; но свет милосерд и просторен. У света пощады спрошу я себе и ребенку».

–

Улица есть за Невою в Петербурге. Дом в этой улице с лестницей грязной стоял, а в доме Ядвига жила.

У света пощады прося, честного хлеба себе и ребенку она не сыскала в том крае, где все так легко растеряла, и, вверившись року, смело ступила ногою в столицу.

– Зла здесь есть много, но не царствуют здесь предрассудки, и честным трудом себя прокормлю я с ребенком, – думала бедная мать, у рока слепого надеясь сыскать милосердья, которого не дал ей свет дальнзоркий.

Шло время, и с ним исчезали надежды. Голодная грудь не питала ребенка, и, щелкая маленькой глоткой, сердито бросал несмысленных пустые соски. В розовых губках, питанья искавших, упрек был какой-то сердитый, и, стиснувши десны, родное дитя свою мать укусило.

Мир христианский всегда утверждает, что в детях душа не такая, как в взрослых,

Kochanko moja! na so nam rozmowa Николай Семенович лесков Teskovniko1ai.ru что «они еще ангелы Божьи»; но с голода всякий, должно быть, способен кусаться, даже и дети.

А голод стоял на пороге, а за порогом старушка стояла, а с нею под ручку стояла нужда, и друг другу они улыбались, как две милые светские дамы.

– Рук не минует, – сказала старушка с самой приятной улыбкой.

– Все по порядку пойдет, – отвечала нужда, старушке подав табакерку с «лафермом».

Изнеможенный ребенок молчал: изнеможенная мать шла со старушкой. Проснулся ребенок, заплакал, но матери не было дома, и некому было унять его детские слезы. Два только часа ее не было дома, а был уж страшный покончен вопрос!.. И на два часа не раз уж она уходила. С каждым уходом все больше бывало страдания, но с каждым возвратом уж несколько слез досчитаться она не могла.

«И свет не пощадил ее, и рок ее не спас»...

–

Умер ребенок. Кашка из манны его не спасла.

Белые груди пьяную кровь потешали, и пьяною кровью запачкались белые груди.

Но душе непродажной сил не хватало долго питаться позором; со смертью ребенка окончился торг беспощадный.

Горе убило ее, и она заболела опасно.

– Я умираю, – сказала Ядвига, а он подошел и стал у ее изголовья.

Ребенка Ядвиги он отвез на кладбище, последний к остывшим младенца устам прикоснулся, и с поры той в молчаньи суровом служил ей, как евнух, как черный невольник бесстрастный.

Суровый и строгий к себе, но кроткий душою и людям давно все простивший, стоял он над бедною жертвою. Просто он был смертный; великих идей за хвосты не ловил и ближних страдания от раза смахнуть не сбирался.

Он рос чудаком, и братья родные «чудаком» его звали.

Капризной душою его наделила природа. Ни девы родные, ни мерные сердца движенья тревожной души не питали, и помириться не мог он никак с воззреньями света на честный позор. Был он, однако, женат на девице из очень хорошего дома; но как-то с женою ужиться они не могли. Лет пять, впрочем, прожили вместе, а после расстались. Она в свет возвратилась, а он в бесприютность вернулся. Худою без меры о нем говорили; о ней же жалели. Он знал это все; но даже устами не двигал в свое оправданье. Семейное дело судить мудрено! У женщин есть слезы, мужчинам молчанье досталось. И видит свет слезы – хоть редко, да видит, – на сожаленья не скуп он. Что денег не стоит, на что там скупиться! А молчаливых страданий ему разбирать недосужно.

Восемь недель простоял у ее он постели. Разговоров меж ними больших не бывало: молчали вдвоем; обоим царапались кошки по сердцу.

Дверь о дверь с ней жил он. Бедняк беспомощный, с ней хлеб свой делил, но чувств поделить опасался.

Добра она была и прекрасна; он добр был и честен; но друг друга, казалось, они не любили.

Суровый он был человек.

–

Жарко трещали в камине дрова, и струйки огневые, как дикие козки, скакали. Дремала она у камина. После болезни не скоро она обмогалась: сил возвращению мешало страдание духа. Сон страшный приснился ей в эту минуту. Чудовищ ужасных кагал беспокойный вертелся пред нею: с солидными рожами, в черных все платьях, и только лишь лапы в парижских белелись перчатках. Сдавалось Ядвиге, что всех этих гадин она уж когда-то видала, и рожи их даже ей были когда-то знакомы: спокойные, умные рожи, со взглядом, в котором сияло довольство собою и вера в свою непогрешность. Душ их она не могла рассмотреть, но видно ей было сквозь черные платья, что каждое пугало в левом боку носило надутый воловий пузырь, а в том пузыре крошечный чертик вертелся и, лапки сгибая, из пальцев все кукиши делал и зеленой слюной все плевался. Потом стало спящей казаться, что перчатки длиннее у пугал, что на кончиках пальцев вдруг лопалась лайка, и из-под ней выходили совиные когти. Все черти заняли места по покою, и делом из них всякий занялся различным. Один Дон-Кихота читал, другой читал римское право, а старая ведьма, в черном чепце с бахромою, Мысли Жанлис изъясняла трем рыбам в больших кринолинах и в платьях с самой последней отделкой из ног стрекозы и рожек навозного жука. Четвертый черт, хромым, с большим ожерельем из перьев павлиньих, тоже сбирался читать и в руках держал книжку. Он дядей всеобщим себя почитал (хитрый беспутник был бес хромоногий) и, палкой о пол опираясь, ко всем обратился со спичем. «Клапан закройте! Закройте клапан, ту perhews!»[3] (для чертей нипочем язык англичан.) Но слушать никто не хотел речи отменно разумной, ибо в углу черт, самой общей породы, фокусы делал с колечком. Все пугала пола мужского к нему устремились, и черт в ожерелье павлиньем от них не отстал. Дались все с дива, как ловко колечко у черта по лапкам кружилось, потом, незаметно для всех, появилось под шерстью на кончике самого хвоста, а оттуда под ноги к различным чертям попадало.

Колечко узнала Ядвига; знаком ей казался и фокус.

В восторг пришли черти, и все закричали: «Уроки! уроки! хотим брать уроки с колечком».

Тут весь завертелся кагал, как вертятся дервиши или еврей из секты «хассидов»; песню бесовскую хором запели, величая в той песне Ядвигу невестой прекрасной; фокусник старый колечком знакомым мотал у ней перед глазами; у прочих же маслились глазки, и вся эта сволочь вдруг бросилась к слабой Ядвиге, а старая ведьма, «Духом Жанлис» на нее замахнувшись, по лбу ее ударить хотела, так чтобы знак навсегда оставался.

– О, пощадите! – во сне закричала Ядвига. – Зла вам не сделала я никакого. О, пощадите меня Христа ради!

Загудело в каминной трубе; пепел столбом с каминной решетки поднялся, вихрем понесся в трубу и вынес с собою несколько искор.

Солдат часовой сигнальный шнурок уж дернуть хотел с каланчи, но не было более знаков пожара, и легкий дымок из трубы вился едва лишь заметною струйкой.

В сновидениях бесы всегда исчезают, услышавши имя Христово.

Совсем уже уголья сгасли, как он постучался к ней в двери.

Руки друг другу пожали они, и оба молчали.

Он взял дров из корзины и, огонь разводя, ей сказал, что уехать он должен.

Она отвечала: «С Богом, я добра не забуду», – и задумалась.

Огонь раздувая, люди краснеют в лице, и он был красен, когда говорил, что с ней ему тяжело расставаться.

Ни слова она не сказала в ответ, но пламя, которое он раздувал, цвет щечек ее изменило.

А он вдруг решился сказать ей «люблю» и, за руку взяв, целовал ее руки. Она своих рук не отняла. («Затем, что уж руки ее в руках побывали», – могут заметить

Kochanko moja! na so nam rozмова Николай Семенович Лесков Leskovnikolai.ru
практичные люди.)

Ждал он ответа, сидя у ее ног пред камином, а она еще не решалась ответить:
трудно ей было поверить любви, труднее еще от нее отказаться. В раздумье
тревожном она наконец прошептала: «Былое! былое! Ах, если б былого не было! Но
память, как свет, беспощадна. Она не дает говорить о любви, когда повесть свою
не краснея нельзя рассказать никому».

Поэта он вспомнил, услышавши это раздумье, и сказал ей спокойно: «Kochanko moja!
na so nam rozмова?»

И не было больше ненужной rozмову. Свеча на камине погасла, и чирикнул веселый
сверчок.

Paris, 1863 года.

Примечания

1 «Kochanko moja! na so nam rozмова?» (Милая моя! на что нам разговоры?) –
первая строфа стихотворения А.Мицкевича «Rozмова»

2 Милый! на что этот разговор?

3 Mu nephews – мои племянники

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://leskovnikolai.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!